

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 82(091)

DOI: 10.17223/23062061/19/4

Л.А. Сапченко

ИНОСТРАННЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА «ИСТОРИЮ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» В ВОСПРИЯТИИ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Аннотация. В статье рассматриваются французские и немецкие рецензии, появившиеся в 1819–1827 гг., упомянутые и отрефлексированные в письмах Карамзина и его ближайшего окружения. Показано, что эти отзывы содержали, помимо обсуждения ряда конкретных вопросов, несколько наиболее принципиальных моментов, которые были одинаково важны и для самих рецензентов, и для рецензируемого автора. Это, во-первых, бесспорное признание того, что изменившееся в начале XIX столетия положение страны на мировой арене обязывает внимательно присмотреться к российской истории; во-вторых, дискуссия о том, что более необходимо для историка, пишущего о своем государстве, – беспристрастие или патриотизм; в-третьих, способность читателя «Истории...» охватить огромное творение взглядом из будущего, предугадать его значение для потомства, понять душу российского историографа, почувствовать его любовь к отчеству и человечеству.

Ключевые слова: Карамзин, «История государства Российского», французские и немецкие рецензии, беспристрастие, патриотизм историка.

Восприятие «Истории государства Российского» литературной и научной общественностью России и Европы продолжает оставаться актуальной проблемой современного карамзиноведения.

Количество откликов на труд Карамзина вряд ли поддается точному исчислению. В настоящей статье рассматривается ряд

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Ульяновской области в рамках научного проекта № 17-14-73002 «Хроника Петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина. Часть 2. 1821–1826». Автор выражает глубокую признательность Т.Ф. Селезневой и немецкому исследователю Михаэлю Шиппану, указавшим ряд материалов к этой статье.

французских и немецких рецензий, появившихся в 1819–1827 гг. и попавших в поле зрения Карамзина и его ближайшего окружения. Представленные материалы анализируются с точки зрения тех проблем, которые оказались наиболее значимыми не только для иностранных рецензентов, но и для самого автора российской истории.

13 сентября 1819 г. «Сын отечества» сообщил своим читателям о напечатанном в Париже переводе на французский язык «Истории государства Российского» (переводчики А. Жоффре и А. де Сен-Тома) и поместил одобрительный отзыв об этом из журнала «Le Constitutionnel» № 121. В отзыве говорилось, что вышедший из печати первый том «подаёт самое выгодное понятие» о творении российского историографа». В томе «изложены весьма любопытные сведения об ужасных переселениях народов азийских, которые, вытесняя друг друга, опустошили часть Запада; в нем находим первые договоры, заключенные россиянами с византийскими императорами в десятом веке». Эти достоверные материалы доказывают, считает рецензент, что «Россия в то время находилась на одной степени просвещения с остальною Европою и что дальнейшую остановку в последующие веки надлежит приписать единственно пагубному нашествию татар» [1. С. 185–186].

Как достоинство исторического труда отмечалась способность автора живо изображать тогдашних государей, «заставляя их говорить и действовать в “Истории”, как они говорили и действовали на самом деле: сею беспристрастною методою можно изобразить их гораздо удачнее, нежели словами историка». Особенного внимания удостоены характер мужественного Святослава, «в минуты опасности взывающего к дружине своей: “Умрем за русскую землю!”» и бросающегося впереди ее на неприятелей», а также мудрость Владимира, избравшего из всех религий христианство. «Переводчики умели с благородством выразить речи государей; они сохранили силу подлинника и доказали, что знают красоты языков русского и французского» [Там же].

18 ноября 1819 г. А.И. Тургенев в письме к П.А. Вяземскому спрашивает, читал ли он в «*Comptoir*» статьи Louyson’a об «Истории» Карамзина [2. С. 356]. Тургенев имел в виду Шарля Луазона,

французского публициста, поэта, одного из редакторов журнала «Le Courrier», опубликовавшего в № 107 за 1819 г. свой отзыв о карамзинской «Истории». Фрагмент из отзыва «Курьера» приводит И.И. Дмитриев в примечаниях к своим автобиографическим запискам: «...неточности в объяснении некоторых обычаев или частных фактов не мешают тому, что сочинение г. Карамзина в целом в высшей степени достойно уважения за философские идеи, которые в нем рассеяны, и в этом отношении заслуживает почетного места в ряду исторических сочинений нашего времени. Знайки особенно восхищаются в нем искусством, с которым писатель сумел воспользоваться своей огромной эрудицией; способностью представить множество деталей, крайне любопытных, не нанося при этом ущерба ясности, порядку и стремительности повествования» [3. С. 157–158. Оригинал по-французски].

В письме Карамзина к Дмитриеву от 29 декабря 1819 г. находим авторские оценки появившихся переводов: «Перевод французский недурен и по большей части верен; но довольно ошибок от небрежения. Один парижский журналист говорит: la traduction est facile et agreeable¹, а другой: la traduction n'est pas assez française². В сочинении же находят ясность, хорошее разделение, искусство, быстроту, философские мысли; но один журналист, якобинец Comte, упрекает меня робостью, другой (Le Courier) недостаточным проницанием в разборе того, что свойственно всем народам, и что одному русскому. Употребляют выражения такие: Les bons juges admireront³ – то и другое; хотят сообщать выписки etc. Одним словом, довольно пустословия, а мало дельного. На франц.<узком> уже вышло 4 тома, т.е. вся *сушь*; а на немецк.<ом> еще 1 том, в котором я счел 100 ошибок, отчасти грубых и непонятных; напр. 17 век вместо *шестого*, до Рожд.<ества> *Христово* вместо до введения *Христ.*<ианской> *веры* etc.» [4. С. 279].

¹ Перевод легкий и приятный (фр.).

² Перевод недостаточно французский (фр.).

³ Хорошие судьи будут восхищаться (фр.)

11 ноября 1820 г. Карамзин сообщает Дмитриеву, что, прочитав равнодушно «десять или двадцать благоприятных отзывов французских, немецких, италийанских» об «Истории государства Российского», «был тронут статьею Монитёра»: «Этот академик, – пишет Карамзин, – посмотрел ко мне в душу: я услышал какой-то глухой голос потомства» [4. С. 299]. Эта часто цитируемая фраза действительно имеет принципиальное значение. Автор рецензии отметил именно то, что было наиболее существенно для самого историографа, – изменившееся положение России в европейском сообществе, причины этого, заветные мысли автора о будущем, и выразил надежду на справедливую оценку прославленного труда потомством.

Рецензент «Монитёра» писал: «В эпоху, когда России удалось оказать на дела Европы влияние, соответствующее ее размеру и могуществу, нам любопытны все подробности, все положительные понятия, которые могут объяснить причины всё возрастающего величия этой империи. Несколько исторических трудов поспешно представили их, но, торопясь перейти к нынешним временам, не обратили внимания на множество ценных сведений о народе, едва знакомом нам в начале XVIII века и вознесенного сейчас на высоту европейской цивилизации. Эти причины объясняют заслуженный успех труда Карамзина» [Там же. С. 0138. Оригинал по-французски¹].

Публикатор статьи подчеркнул основанную на самых точных исследованиях летописей и архивных документов осведомленность автора, а также его здравую философию и беспристрастие, его важный слог, возвышенный и исполненный неким простодушием, народностью, – всё то, что показывает «в историке честного человека прежде ученого». «История государства Российского», как пишет «Монитёр», «должна быть помещена в ряд классических произведений, делающих честь современной литературе» [Там же. С. 0138–0139].

¹ Приношу благодарность Л.Ф. Семеновой, подготовившей перевод статьи из «Монитёра».

«Либеральный Constitutionel, – продолжает историограф, – в № 13 окт.<ября> осыпал меня похвалами, сказав: Mr. K. s'est place an premier rang des Historiens les plus célèbres: son Histoire plait à l'Europe: elle plaira à la posterité etc. etc.¹ Хвалит даже мою *либеральность*, вопреки нашим либералистам! Странно, что они (французы) в *тени* находят более, нежели иные мои братья и русские в *вещи*! (тенью называю перевод). Я мысленно и словами часто бранил франц.<узских> переводчиков, а *первые* парижские журналисты хвалят их, даже ревностно!..» [4. С. 299].

Признание европейскими рецензентами либерализма российского историографа (в чем ему отказывали, упрекая в монархизме, радикально настроенные отечественные читатели) особенно тронуло Карамзина, ибо внутреннюю свободу он считал одной из главных черт в своем характере, в своем творчестве, называя себя «республиканцем в душе» [5. С. 60].

В журнале «Вестник Европы» [6. С. 35–44] были помещены перевод статьи писателя и критика Франсуа-Бенуа Гофмана, напечатанной в Journal de Debats [7] «О беспристрастии историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных читателей». Мнение французского рецензента, что Карамзиным движет в первую очередь чувство патриотизма, в ущерб научной объективности, вызвало несогласие как и самого автора «Истории государства Российского», так и его единомышленников, выступивших против публикатора статьи Гофмана – М.Т. Каченовского.

С уважением и вниманием отнеслись к переведенным томам российской истории немецкие ученые, среди них – А.-Г.-Л. Геерен, известный археолог, профессор философии и истории Геттингенского университета. Статья Геерена понравилась Карамзину. 9 октября 1822 г. историограф писал П.А. Вяземскому: «В Геттингенских Ученых Ведомостях (Gelehrte Anzeigen) № 133, 2 августа 1822» [8. С. 1321–1329] «напечатана рецензия на мою историю,

¹ Г-н Карамзин занял место в первом ряду наиболее известных историков: его «История» нравится Европе: она понравится потомству и т.д., и т.д. (фр.).

писанная, как вероятно, знаменитым историком Гереном (Heeren): мне читала ее Императрица Мария Феодоровна, а я слушал с удовольствием, развесив уши» [5. С. 134].

В отмеченных Карамзиным отзывах его привлекла прежде всего способность рецензента возвыситься над злобой дня и взглянуть на созданный труд с точки зрения будущего, предвосхитить суд потомства, предугадать оценку, которую дадут ей новые поколения читателей.

30 октября 1822 г. Карамзин пишет Дмитриеву: «Хорошо, если бы удалось еще с некоторою живостью дойти до конца, мною предполагаемого, чтобы высокоблагородное потомство, дочитав, могло сказать: *жаль!* Нарочно для тебя я велел перевести статью славного немецкого историка Герена (Так! – *Л.С.*) о моей истории и пришло ее тебе» [4. С. 339–340].

Перевод, сделанный Н.И. Тургеневым, был напечатан в «Северном архиве» [9. С. 486–450].

В начале своей статьи Геерен говорит о том, что судить о карамзинской истории может лишь или критик равный или – лучше – превосходящий российского историографа в научных познаниях. Но если в России еще есть Лерберг, Шторх, Круг, Эверс, то «где найти такого судию в других землях?» Тем более что автор имел под рукой средства, для иностранца несуществующие. Рецензент убежден, что окончательный приговор над таким творением принадлежит не современникам, но потомкам и что «г. Карамзин может ожидать сего приговора спокойно» [Там же. С. 486–487]. История великого государства может быть достойным образом написана только в величественной манере (*in einer großen Manier*), считает Геерен. «Но сие требует более, нежели одного прилежания и учености, и зависит от души историка; он должен быть исполнен своего предмета; необходима муза, его одушевляющая; но сего вдохновения он должен искать токмо в любви к своему отечеству, в любви, отличной от слепого пристрастия. Хотя он может не иметь всеобщей учености, но необходимо должен иметь всеобъемлющий взор всемирного Историка: без сего возможно ли было бы писать историю государства, занимающего IX часть общей

земли?» Геерен относит Карамзина именно к таким сочинителям, которые много размышляли не только о своем предмете, но и о сущности истории вообще: «о ее достоинстве, о ее цели, о способе изображения». Автор российской истории, по словам Геерена, «исполнен величия и достоинства своего предмета и сам сознает в себе это ощущение» [9. С. 489].

Историю России, считает Геерен, равно трудно исследовать и изображать. Он с глубоким уважением говорит о кропотливой и добросовестной работе Карамзина с многочисленными современными и древними источниками, «не очищенными критикою», подчеркивает его «истинно немецкое прилежание» [Там же. С. 491].

Повествование подробно и доказательно, но нигде не растянуто, отмечает рецензент, в основном свободно от спорных положений (которых сочинитель старался избегать, излагая необходимое в приложениях).

Геерен понял главное: Карамзин имел цель более высокую, нежели изъяснение «генеалогии и подробностей» [Там же. С. 500], – «обозреть все целое народа, успехи и неудачи его». Немецкий историк отдает полную справедливость не только «обширному прилежанию и неистощимому усердию» автора, но и его беспристрастию. Его любовь к отечеству, которую он не скрывает, и сделала возможным подобное творение.

В то же время рецензент сомневается в достоверности описания побудительных причин, заставлявших соотечественников историографа совершать те или иные деяния и поступки. Чувство чести, считает Геерен «оставалось чуждым для России» [9. С. 501]. Переводчик, опровергая рецензента, приводит в качестве контраргумента строки из «Слова о полку Игореве», где дружинники сражаются «ища себе чести, а князю славы» и др. Между тем Геерен полагает, что Карамзин легко мог допустить такую неточность, поскольку цель его была не просто историческая, «но вместе нравственно-политическая». Автор желал приблизить русских «к тем высоким и благородным чувствам, коими исполнена собственная душа его» [Там же. С. 502]. Он нигде не скрывает своей «ненависти к тиранству и угнетению, к войне несправедливой и к страсти завоеваний»,

но вместе с тем «открыто признает и ясно показывает, что Россия обязана самодержавию своим величием» [9. С. 502–503].

Геерен относит Карамзина к тем историкам, чьи творения, «представляя верное повествование, служат вместе с тем зеркалом собственных их мнений, и сие-то самое придает особенное достоинство, особенную занимательность его произведению» [9. С. 503]. Карамзин пишет не для того только, чтобы увлечь читателей своим рассказом: его описания общественного состояния, нравов и частной жизни столь же поучительны, сколь и занимательны.

Внимание Карамзина привлек также отзыв, опубликованный в 1822 г. в «*Jahrbücher der Litteratur*» [10. С. 214–258]. 4 октября 1823 г. историограф писал А.И. Тургеневу: «Я читал рецензии Добровского в *Jahrbücher der Litteratur*» [11. С. 38].

Известный чешский славист Йозеф Добровский высоко оценил труд Карамзина, дал подробный аналитический обзор использованных автором источников и охарактеризовал содержание первых восьми томов, излагая также свое мнение по ряду проблем. Карамзин всегда прислушивался к замечаниям и уточнениям авторитетного ученого. Пятью годами ранее в журнале «Вестник Европы» была напечатана статья «О древних славянских названиях двенадцати месяцев», где оспаривалась этимология, предложенная Карамзиным. Статья представляла собой отрывок из книги Добровского «*Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen Slawischen Litteratur, der Sprachkunde nach Mundarten, der Geschichte und Alterthümer*», Prag., 1814 (Славянка. К изучению старой и новой славянской литературы, разных наречий, истории и древностей, Й. Добровского. Прага, 1814), в переводе и с примечаниями М. Каченовского. Автор косвенно упрекал историографа в том, что, «основываясь... при толковании... на одной только вероятности», он не соотносит древнерусские названия месяцев с названиями их у других славянских племен, свод которых и представлен в книге знатока древнерусских памятников (см: [12. С. 283–295]). В следующем издании «Истории» Карамзин, учитывая работы Добровского и дополнительные источники, исправил или отстоял свои первоначальные трактовки.

Отдав должное добросовестности историка, Добровский заметил всё же, что беспристрастные суждения Карамзина «иногда колеблются» в тех случаях, когда российская национальная слава могла бы что-то потерять [10. С. 215].

После кончины российского историографа материалы, посвященные его труду, продолжали публиковаться в зарубежной печати. Рецензенты сравнивали грандиозное создание Карамзина с работами древних и современных авторов и укоряли последних, если они не соответствовали тому уровню научности и нравственной высоты, который был задан Карамзиным. Так, автор статьи в «*Leipziger Literatur-Zeitung*» [13. С. 54–56] критически отзываясь о современных ему французских исторических исследованиях, считая, что они не способствуют научному познанию, и определяет их как поспешные «исторические зарисовки», поверхностные схемы, «скелеты» событий (*geschichtliche Skizzen*), лишенные многих важных фактов и основ. Вышедшее в свет «Обозрение Российской истории» Альфонса Рабба [14] содержало ошибки, которые, несомненно, должны быть отнесены к источникам, из которых черпал автор. Рецензент скептически замечает, что для Рабба история России Левека («*Histoire de Russie*», 1782–83) была, по-видимому, единственным советчиком в отсутствии лучшего и что классическая работа Карамзина, которая могла послужить для него руководством до XVII в., осталась в пренебрежении. Отмеченные недостатки ведут к неверным, противоречащим Карамзину представлениям о характере русского народа, о степени его христианизации и т.д.

Более того, открытые признания современных историков в приверженности своим партийным интересам вызывали заслуженное недоверие к их суждениям и давали законный повод противопоставить этому беспристрастие российского историографа. История требует для своего органа космополитического философа, пишущего без любого предубеждения, без корысти, без ненависти, без страсти, кроме ненависти к преступлению, страсти к добродетели, писала «*Leipziger Literatur-Zeitung*».

Зарубежные публикации не прошли мимо близких друзей Карамзина. В 1827 г. в «*Leipziger Literatur-Zeitung*» [15] появилась

рецензия на немецкий перевод восьми томов «Истории государства Российского», что вызвало отклик А.И. Тургенева, написавшего заметку «Заслуги Карамзина, исторического исследователя и исторического писателя». Заметка была опубликована в газете «Blätter für literarische Unterhaltung» [16]. В русском переводе оба текста были напечатаны в «Московском телеграфе» под заглавием «Спор в немецких журналах об “Истории государства Российского”» [17. С. 207–220].

Рецензент отмечал, что русские раньше всех новых народов Европы имели на своем языке летописи и что «Нестор есть праотец всех летописателей на новых языках». Монголо-татарское иго остановило культурное развитие русской народности, и «путь русского историописания был продолжен немцами: Миллером и Шлецером». Затем автор рецензии обращается прямо к «кроткому царствованию Александра», когда «созрел народный дух, и Россия представляет общей исторической литературе благородный плод собственного произрастения (Так! – Л.С.)» [Там же. С. 208–209].

Указав переводчиков восьми томов (Ф.М. Гауеншильда и В.А. Эртеля), рецензент отмечает, что сочинение Карамзина отличается «изыскательностью и изложением. Автор совершенно знаком с классическою литературою древности и новою литературою Европы; он показывает зрелое, опытное суждение в приговорах и присовокупляет множество приложений; откровенность его достойна уважения, у него везде светит характер чистой нравственности и благородной филантропии. История политических изменений Российского государства привлекательно обогащена картиною нравов и достоверными исследованиями о состоянии ремесел, торговли, умственного образования и проч.» [Там же. С. 209].

В 1827 г. «Leipziger Literatur-Zeitung» поместила также отзыв о карамзинской «Истории» профессора Д.-А.-В. Таппе [18]. Еще в 1818 г. А.И. Тургенев сообщал П.А. Вяземскому, что «Таппе выдал уже хрестоматию с переводом слов и фраз на немецкий и французский» [2. С. 179]. «...Он извлек из осьми томов ее сто сорок пять статей, заключающих в себе описание характеров или случаев, которые казались ему важнее и занимательнее других,

и расположил оные так, что они идут в непрерывной связи и составляют *Краткую Российскую Историю*. Все слова в сей книге означены ударениями (важнейшее затруднение для иностранцев) и за каждую статью помещено истолкование труднейших слов и оборотов на немецком и французском языках и ссылки на правила грамматические. Сия книга принесет учащимся пользу во многих отношениях: познакомит их с самым чистым, правильным, благородным русским языком (в котором никто из писателей наших не может служить руководителем лучше г. Карамзина) и в то же время представит им в сокращении изображение событий и лиц русской истории. – Заключаем сие краткое известие повторением господину Таппе благодарности всех истинных сынов отечества за усердное и успешное распространение в чужих землях языка русского...», – сообщалось в «Сыне отечества» [19. С. 79–81].

В публикации 1827 г. Таппе охарактеризовал содержание томов карамзинской «Истории» как солидное и вместе с тем увлекательное, что обеспечит, по его мнению, благодарность автору от читателей. Рецензент высоко отозвался о качестве и количестве использованных источников, дополненных собственными изысканиями автора и помещенных в многочисленных примечаниях и объяснениях. Заметка заканчивается выражением уверенности, что труд Карамзина будет полезен и интересен всем изучающим историю, религию, а также юристам, философам, поэтам, художникам, юношам, женщинам и т.д.

Отзывы, попавшие в поле зрения самого Карамзина и его ближайшего окружения, содержали, помимо обсуждения ряда конкретных вопросов, несколько наиболее принципиальных моментов, которые были одинаково важны и для самих рецензентов, и для рецензируемого автора. Это, во-первых, бесспорное признание того, что изменившееся в начале XIX столетия положение страны на мировой арене обязывает внимательно присмотреться к российской истории и литературе; во-вторых, вопрос о том, что более необходимо для историка, пишущего о своем государстве, – беспристрастие или патриотизм (см.: [20]); в-третьих – способность читателя «Истории» охватить огромное творение взглядом

из будущего, предугадать его значение для потомства и наконец – понять душу российского историографа, его любовь к отчеству и человечеству.

Литература

1. Сын отечества. 1819. Ч. 56. № XXXVII. С. 185–186.
2. Остафьевский архив князей Вяземских : в 5 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. Изд-е графа С.Д. Шереметева, 1899–1913. Т. I. IV, 728, [1] с.
3. Дмитриев И.И. Соч. СПб. : Я. Соколов, 1893. Т. 2. 338 с.
4. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб. : Императорская академия наук, 1866. 727 с.
5. Карамзин Н.М. Письма к князю П.А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна : ист. сб. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1897. Кн. 1. С. 1–200.
6. Вестник Европы. 1821. № 1. С. 35–44.
7. Journal de Debats. 1820. № 5, 10, 12.
8. Göttingische gelehrte Anzeigen. 1822. Т. II, № 133, 134. С. 1321–1329.
9. Взгляд на Историю Российского государства г. Карамзина. Из Геттингенских русских ведомостей, 22 августа 1822 // Северный Архив. 1822. Ч. IV, № 24. С. 486–504.
10. Jahrbücher der Litteratur. 20 Band. Oktober. November. Dezember. Wien, 1822. С. 214–258.
11. Карамзин Н.М. Письмо А.И. Тургеневу от 4 октября 1823 года // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. II–III. М. : ТРИТЭ, Редакция альманаха «Российский архив», 1992. 560 с.
12. Вестник Европы. 1818. Ч. 97, № 4. Февраль. С. 283–295.
13. Leipziger Literatur-Zeitung 1827. № 7. С. 54–56.
14. Résumé de l'histoire de Russie, depuis l'établissement de Rourik et des Scandinaves jusqu' à nos jours, par Alphonse Rabbe. Paris, 1825, bey Lecointe und Dureg. I r. Bd. In 18. Von VIII n. 681 S.
15. Leipziger Literatur-Zeitung. 1827. № 22. С. 173–176.
16. Blätter für literarische Unterhaltung. 1827. № 156. С. 621–624.
17. Московский телеграф. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 207–220.
18. Leipziger Literatur-Zeitung. Am 6. des May. 1827. № 135. С. 1073–1074.
19. Сын отечества. 1819. Ч. 51. № II. С. 79–81.
20. Сапченко Л.А. «О беспристрастии историка» (Эпизод из хроники петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина) // Карамзинский сборник. Наследие Карамзина в истории и культуре России. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 265–272.

Foreign Reviews on the *History of the Russian State* in the Perception of Nikolay Karamzin

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 48–61

DOI: 10.17223/23062061/19/4

Liubov A. Sapchenko, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: ssj-sla@mail.ru

Keywords: Karamzin, *History of the Russian State*, French and German reviews, impartiality or patriotism of historian, author and readers.

The perception of Karamzin's *History of the Russian State* by the European literary and scientific community continues to be a problem of current interest in modern Karamzin studies. The article gives an overview of the French and German reviews mentioned and reflected upon in the letters of Karamzin and his closest associates. Not responding to criticism, Karamzin nevertheless quite closely watched the appearing reviews on his *History of the Russian State*.

Recognition by European reviewers of Karamzin's liberalism (which Russian radical readers refused to do, blaming him for monarchism) particularly moved him, for he considered internal freedom to be one of the main features in his character, in his work, and called himself "a Republican in his heart".

The reviews Karamzin noted primarily attracted him by the reviewer's ability to rise above the evil of the day and to look at the historical work from the perspective of the future, to anticipate the verdict of the descendants and to foresee the assessment that new generations of its readers will provide.

The reviewers compared Karamzin's grandiose work to works of ancient and modern authors and blamed the latter if they did not correspond to the level of the scientific and moral height set in Karamzin's *History*. Moreover, open confessions of historians in their party sympathies raised a deserved distrust of their biased judgments and gave a legitimate reason to counterpose them with the impartiality of the Russian historiographer who wrote without prejudice, without self-interest, without hatred, without passion, except for hatred of crime and passion for virtue.

The article makes a conclusion that the reviews of foreign historians and journalists contained, in addition to discussions of a number of specific issues, several of the most important points that were equally important for both the reviewers and the reviewed author. This, firstly, is an indisputable recognition that the situation of the country on the world arena which had changed at the beginning of the nineteenth century required to look closely at Russian history. Secondly, it is the question of what is more necessary for a historian's writing about his state: impartiality or patriotism. Thirdly, it is the ability of the reader of the *History* to embrace the great work with a glance from the future, to foresee its significance for the descendants, to understand the soul of the Russian historiographer and to feel his love for his motherland and humanity.

The analysis of the foreign reviews in terms of their perception by the Russian historiographer and his closest associates not only reflects the public resonance caused by the *History of the Russian State*, but also helps to identify the principles of Karamzin's

work, his author position and his understanding of the goals and tasks of a historical work.

References

1. *Syn otechestva*. (1819) 56(37). pp. 185–186.
2. Saitov, V.I. (ed.) (1899–1913) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh: V 5 t.* [The Ostafyev Archive of the Vyazemsky princes: In 5 vols]. Vol. 1, 4. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
3. Dmitriev, I.I. (1893) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. Sokolov.
4. Karamzin, N.M. (1866) *Pis'ma k I.I. Dmitrievu* [Letters to I.I. Dmitriev]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
5. Karamzin, N.M. (1897) *Pis'ma k knyazyu P.A. Vyazemskomu (1810-1826)* [Letters to Prince P.A. Vyazemsky (1810–1826)]. In: *Starina i novizna. Istoricheskiy sbornik* [Old and New. Historical Collection]. Book 1. St. Petersburg: M. Stasyulevich. pp. 1–200.
6. *Vestnik Evropy*. (1821) 1. pp. 35–44.
7. *Journal de Debats*. (1820) 5, 10, 12.
8. *Göttingische gelehrte Anzeigen*. (1822) 2(133, 134). pp. 1321–1329.
9. Anon. (1822) *Vzglyad na Istoriyu Rossiyskogo gosudarstva g. Karamzina. Iz Gettingenskikh russkikh vedomostey, 22 avgusta 1822* [Karamzin's look at the history of Russia. From the Gottingen Russian Gazette, August 22, 1822]. *Severnnyy Arkhiv*. 24. pp. 486–504.
10. *Jahrbücher der Litteratur*. (1822) October. November. December. pp. 214–258.
11. Karamzin, N.M. (1992) *Pis'mo A. I. Turgenevu ot 4 oktyabrya 1823 goda* [Letter to A.I. Turgenev dated October 4, 1823]. In: Nalepin, A.L. et al. (eds) *Rossiyskiy arkhiv. Istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv.* [The Russian Archive. The history of the Fatherland in certificates and documents of the 18th – 20th centuries]. Moscow: TRITE, Rossiyskiy arkhiv.
12. *Vestnik Evropy*. (1818). 97(4). pp. 283–295.
13. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 7. pp. 54–56.
14. Rabbe, A. (1825) *Résumé de l'histoire de Russie, depuis l'établissement de Rourik et des Skandinaves jusqu' à nos jours* [Summary of the history of Russia, from the establishment of Rourik and the Scandinavians to the present day]. Paris: [s.n.].
15. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 22. pp. 173–176.
16. *Blätter für literarische Unterhaltung*. (1827) 156. pp. 621–624.
17. *Moskovskiy telegraf*. (1827). 18(23). pp. 207–220.
18. *Leipziger Literatur-Zeitung*. (1827) 6th May. pp. 1073–1074.
19. *Syn otechestva*. (1819) 51(2). pp. 79–81.
20. Sapchenko, L.A. (2017) “O bespristrastii istorika” (Epizod iz khroniki peterburgskogo perioda zhizni i tvorchestva N.M. Karamzina) [“On the Impartiality of the Historian” (Episode from the chronicle of the Petersburg period in the life and work of N.M. Karamzin)]. In: Shvarygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik. Nasledie Karamzina v istorii i kul'ture Rossii* [The Karamzin collection. Karamzin's legacy in Russian history and culture]. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya. pp. 265–272.